

„По зрячему“!

, да что съ нимъ, написалъ, что „я къ его услугамъ“, ну, и пусть дѣлаетъ, что хочетъ: мнѣ все равно, не впервые стоять у барьера!—перервалъ свои неотвязныя раздумки Всеславскій по поводу послѣдней романической затѣи, оправляя кольчики жиденскихъ темнорусыхъ усовъ, прекрасно гармонирующихъ съ горбоносимъ, тонкимъ профилемъ его красиваго лица.

— А вотъ, какъ быть-то съ гончаками — перескочилъ онъ мысленно на другую свою злобу, — совсѣмъ перестаютъ гонять по кабанамъ; нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ прежней вязкости. Прошлый разъ въ Хошманзильскомъ лѣсу — а тамъ ли нѣтъ звѣря! — какъ гоняли... Натекутъ, увяжутся, думаешь — хорошо пошли... смотришь — смолкли и бросили. А то, лучше, съ кабаньяго-то слѣда да по шакалу шальному варомъ заварили, хоть что хочешь. Вѣдь, едва оттрубили! Гмъ, да, плохо, — прищуривая большіе черные глаза и тонкой змѣйкою приподнимая лѣвую бровь, почти вслухъ произнесъ онъ, тиснувъ окурокъ папиросы въ пепельницу.

— А, это ты, Андрей, — оглянулся онъ на тихо вошедшаго и скромно вытянувшагося у притолки невзрачнаго нѣмца-столяра Герштейна, своего домохозяина, заядлаго звѣровщика.

— Ну, что скажешь?

— Къ фаши милости, фаши сіятельство, — заговорилъ нѣмецъ ломанымъ языкомъ, ибо живетъ въ Россіи не болѣе 30 лѣтъ.

„Съ какой стати титуруетъ онъ меня постоянно ка-

кимъ-то сіятельствомъ?—мелькнуло въ головѣ дэнди, безъ протеста, впрочемъ, вслухъ.

— Такъ, что скажешь, мой милый? — переспросилъ онъ.

— Объ вапи собашки, катшу сказаить, фашему сіятель-
стфу. Они ошень худо завсѣмъ стали гоняить кабановъ...

— Да, братецъ, и самъ я это вижу, сейчасъ только думаль объ этомъ. Но что за причина и какъ тутъ по-
мочь — признаюсь, теряюсь въ догадкахъ.

— Это фсе такой есть пришинъ, ф-с-стфо, што со-
башки снюхались съ свинь, домашній мой свинь. Потому,
собашки кушаютъ свой корытъ, свинь ходить на кругъ:
такой порядокъ соблюдаить... Они сердится снашаль, зѣ-
тѣмъ молшить, а свинь кушаетъ спотихонько.

— Ну, ну!

— Вшера Станика труба играль, собашки на корыта
бѣжалъ и свинь пошѣль: я самъ видалъ. О, я карашо видалъ.

— Ахъ, шутъ побери, такъ вотъ она разгадка!

— Ошень просто даже.

— Гмъ, значить, нужно твоихъ свиней похѣрить.

— Запѣмъ хѣрить! Сейшасъ не есть время такой боль-
шой дѣло, знашительный убитка полушаить буду.

— Такъ какъ же, братецъ, быть?

— Ошень даже просто. Свинь сталь дружній собашка,
пушшай не будить больше дружаній, кусается.

— Гмъ, „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись!“ — значить.
„Клинъ клиномъ вышибай!“ — выходить.

— Совершенно фѣрно, фашъ с-стфо. Станика пушшай
на труба играить „въ напускъ“, бросаить собашки на старый
огородъ и карашо порскаить; мой пушкаить съ кладушка
мой толстій шѣрній свинь и тоже карашо порскаить...

— И побѣжить она у тебя хрюшка-хрюшкою.

— Запѣмъ? Я ей маленькій порскій перса поставимъ:
онъ побѣжить, какъ настоящій, лютшій кабанъ на весь
нашъ большой дворъ и старій огородъ. О-о, мой много
думаль на эта дѣля!

— Пожалуй, попробуемъ, — улыбнувшись согласился
затужившій было охотникъ по звѣрю.

Единственной помѣхою затѣваемаго притравливанія гон-

чаковъ по домашней свинкѣ являлась строгая супруга нѣмчика, усердная притомъ же домосѣдка, на снисходительность коей никоимъ образомъ не приходилось разсчитывать; но и это неудобство оказалось возможно обойти нашимъ затѣйникамъ. Рѣшено было устраивать притравливаніе только рано утромъ, когда суровая нѣмка съ корзиною въ рукѣ уходитъ на базаръ.

Нѣсколько дней подъ рядъ затѣмъ южная окраина городка, гдѣ среди мелкихъ домишекъ съ громадными дворами расположено и обширное подворье Герштейна, стала по утрамъ оглашаться мелодіею трубы—„въ напускъ“, лихимъ порсканьемъ рьяныхъ Станики и Андрея и заливистыми голосами небольшой, но дружной стаи однокорытниковъ звѣрогоновъ... И велика была радость не только самого Всеславскаго и его добрыхъ егерей, но и сосѣдокъ и ребятишекъ, толпившихся у воротъ, у щелей забора и даже на самомъ заборѣ, глазѣя на барскую потѣху. А забава была не малая. Лишь только у дальняго края бурьяновъ заброшеннаго огороднаго пустыря подавала труба „въ напускъ“ „шѣрній, толстѣй свинь“, надлежаще подбодренная „маленькимъ порсіонъ перса“, какъ встрепанная, съ визгомъ вырывалась изъ кладушки, опрометью кидалась по діагонали двора и—пошла потѣха...

Такъ было и въ то злополучное утро, когда дебелая нѣмка, пройдя уже бурьянки безлюдной площади и скрывшись за громаднымъ винокуреннымъ заводомъ, вопреки обыкновенія, вернулась домой, освѣдомленная заранѣе кѣмъ-то изъ добрыхъ сосѣдей. Злые языки, впрочемъ, называютъ одного джентльмена, который, какъ покровитель животныхъ, будто бы шепнулъ нѣмкѣ о томъ, какія дѣла за время ея отлучекъ творятся въ ея дворѣ.

Лишь только слуха ея коснулись первые звуки рога и послышалось лихое порсканье доѣзжачаго Станики и выжлятника Андрея и залился хоръ стаи звѣрогоновъ, какъ она сама завопила во всю глотку: „О, mein Got, mein lieber Got!“ и со всѣхъ ногъ помчалась, встряхивая объемистыми тѣлесами своей рослой фигуры, прямо черезъ площадь въ свой дворъ... А здѣсь и Цыганъ и Трубачъ

съ подвалившею къ нимъ во время всею стаею жарко по зрячему настигали уже „бѣднѣй, шёрнѣй, толстѣй свинь“...

Словно огорошенная, какъ вкопанная, замерла на моментъ у воротъ взволнованная нѣмка; но еще мгновение и, взбѣшенная до нельзя картиною ужасной травли по выкоханной свинкѣ, издала неистовый крикъ, невѣроятный какой-то звукъ и, потрясая въ воздухѣ высоко взброшенными кверху могучими кулаками, то же варомъ заварила... и то же — „по зря-че-му“...

И съ тѣхъ поръ во дворѣ
Ужъ никто не травить,
Лишь въ закуткѣ свинья
То визжитъ, то сопить...

Г. Полетика.